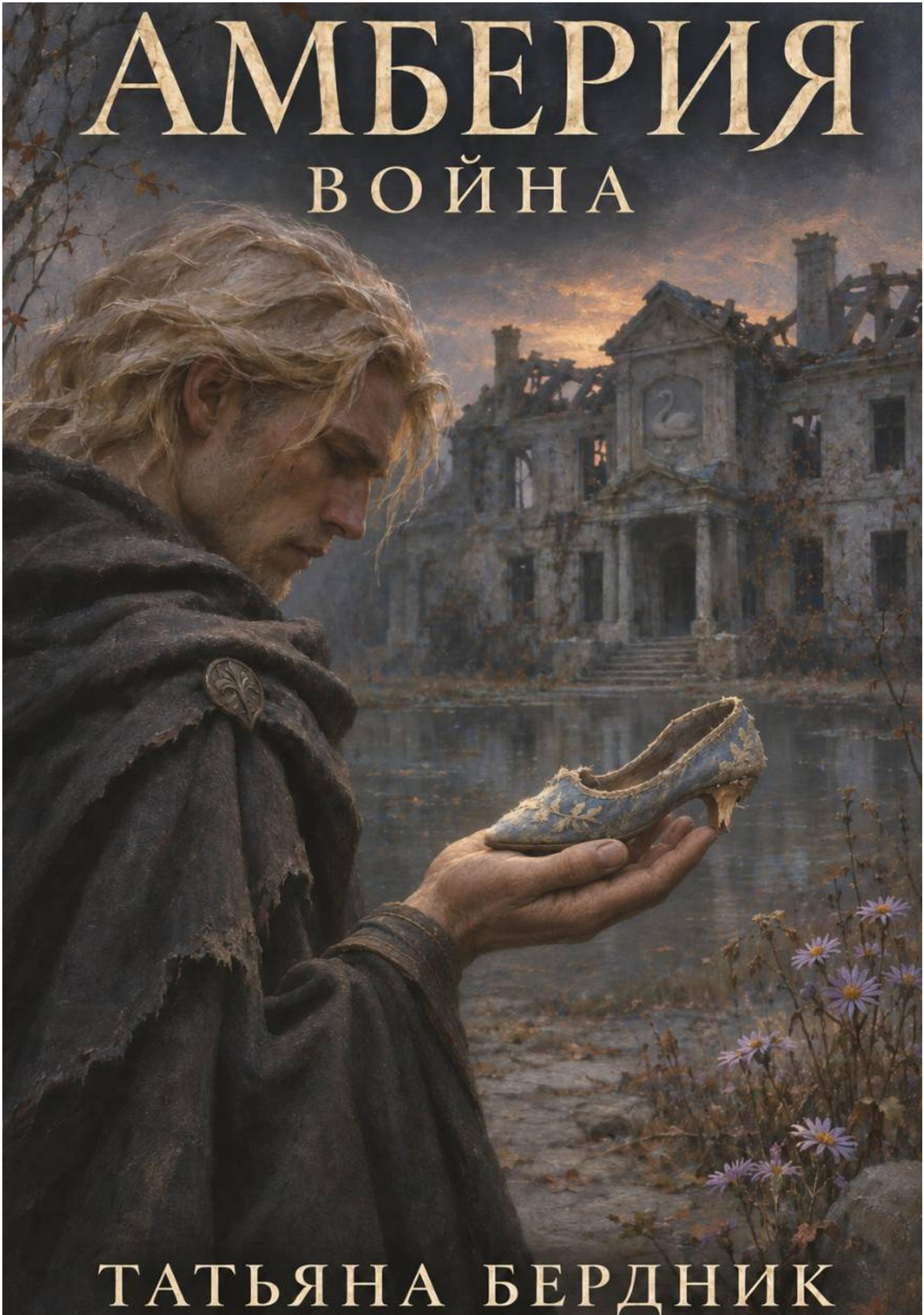
АМБЕРИЯ

ВОЙНА

ТАТЬЯНА БЕРДНИК

Татьяна Бердник

Амберия. Война

«Автор»
2026

Бердник Т.

Амберия. Война / Т. Бердник — «Автор», 2026

Вторая книга из цикла "Амберия".Война раздирает Юг и Север, сжигая города и разрушая дома.На дорожке разграбленного Лебединого Пруда Северн находит голубую туфельку с отломанным каблуком. Он узнаёт её. О том, что случилось с Элейн, в опустевшем доме спросить некого.В Чертоге Изабелл готовится стать женой короля Эдуарда, когда сир Ренард ставит под сомнение его происхождение и требует, чтобы королева Элеонор прошла Ритуал Чистой Воды. Отказ будет равносилен признанию. А если Элеонор согласится, весь двор увидит, как вода отзовётся на её кровь.По преданию, вода выдаёт виновного. Но о том, в чём его вина, она молчит.

© Бердник Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть II. Война. 5
Глава 1. Вести с родины. 5
Глава 2. В путь 8
Глава 3. Ганнесбург 13
Глава 4. Эмбер 22
Глава 5. Посланник 26
Глава 6. Побег 30
Глава 7. Перемирие 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Татьяна Бердник
Амберия. Война

Часть II. Война.

Глава 1. Вести с родины.

Прошло около двух лет с тех пор, как Даррелл Валентайл и Веггэ покинули Амберию в поисках Аэлреда. Тогда они прибыли на Остров Духа и высадились в селении под названием Кивара – во втором по величине порту. И вот теперь, побывав на всех трех островах, обойдя множество деревень и городков, они вновь были в Киваре и ждали отхода корабля, на котором надеялись наконец вернуться домой.

Небо на востоке едва светлело: они прибыли слишком рано, проведя в пути всю ночь и весь предыдущий день. Но такие жертвы были не напрасны: в дороге могло случиться что угодно, а не успеть на этот корабль означало задержаться на Островах еще на месяц-два. Узнав о таком раскладе, Веггэ справедливо рассудил, что выспаться они смогут и в каюте.

Пока он останавливал крытую коляску, запряженную парой гнедых, которыми он умело правил, Даррелл спрыгнул со своего коня и осмотрел пристань.

Островитяне только просыпались: кое-где слышались негромкие голоса, несколько человек ходило по берегу, двое из них расправляли сеть для просушки.

Корабль покачивался на небольших волнах, и его остроносый темный силуэт отчетливо выделялся на фоне рассветного неба. Две мачты пиками устремлялись ввысь, словно протыкая тонкие длинные облака сложенных парусов. На корме горел фонарь – так ярко, что его можно было заметить даже сейчас, когда тьма уже почти отступила.

Даррелл поискал глазами лодки, что должны были доставить команду и их самих на корабль, но не увидел.

– Я пойду, попробую разузнать, когда отплываем, – кивнул он Веггэ и пошел вдоль берега к постройкам на пристани.

Он шел вдоль полосы прибоя, осматривая убогие рыбацкие лачуги. Почти около каждой можно было заметить специальные деревянные каркасы, на которых обычно сушили сети, да непременно груды пустых ракушек то там, то тут. Чуть дальше, на холме, стояли уже более добротные постройки – туда-то Даррелл и направился.

Он поднялся по ступеням, выдолбленным прямо в земле, и очутился на длинной террасе какого-то дома: по-видимому, это было что-то вроде постоялого двора. По пути ему встретилась пара заспанных рыбаков, но попытки Даррелла узнать у них хоть что-нибудь не увенчались успехом: они не понимали его языка. Вздохнув, он прошел внутрь, там было совсем темно, видимо, хозяева и жильцы еще спали, и Даррелл не решился их тревожить.

Он вновь вышел на террасу и повернул было назад, но тут взгляд его упал на чью-то сгорбленную фигуру в добротном шерстяном плаще. Лицо человека было сокрыто капюшоном, но Даррелл смотрел не на лицо человека, а на его руки.

Он где угодно узнал бы эти руки, обтянутые черными перчатками.

– Сэр Гудвок? – неуверенно позвал он.

Человек обернулся, охнул и тут же принялся стаскивать с головы капюшон.

– Даррелл? Ты ли это, мальчик?

Даррелл засмеялся.

– Вот это неожиданность! Сэр Гудвок, кастелян Лорренвилля!

Гудвок тоже засмеялся скрипучим старческим смехом. Он постарел с момента их последней встречи и еще больше согнулся, но глаза его блестели так же, как всегда. Он качал головой и приговаривал:

– Нет, уже не мальчик, не мальчик… Ты возмужал, Даррелл! Настоящий мужчина! Но что ты здесь делаешь?

– А вы? – спрашивал Даррелл, ласково беря Гудвока под руку и уводя с прохода, где они могли помешать другим. – Что вы делаете здесь, на Островах? Как же школа? Неужто вы покинули ее?

Улыбка бывшего кастеляна померкла, а глаза потухли.

– Идем, – сказал он Дарреллу. – Я вижу, что ты многого не знаешь. Идем, присядем вон там, я расскажу тебе.

Даррелл бросил беглый взгляд на берег, на то место, где должен быть Веггэ и повозка, – они были там же, где он их оставил – и отправился вместе с сэром Петером. Тот привел его в какое-то уютное местечко вроде трактира и попросил заспанного хозяина налить им чего-нибудь некрепкого.

– Ты знаешь о войне?

Даррелл нахмурился.

– Я слышал об этом разное. Мой брат ведет войну с королевой юга.

– Да. Это началось почти сразу после смерти сира Этура. И длится уже долго…очень долго.

– Кто одерживает победу?

Гудвок вздохнул и покачал головой.

– Это не похоже на победу. Сдается мне, никто из них не имеет толкового военачальника. Мелкие стычки… Крупные стычки… Южане наступают – северяне отходят, а потом наступают северяне – и так до бесконечности…

– Но что вы делаете здесь? Что со школой?

– Школы больше нет. Король забрал всех в свое войско, даже совсем детей, и закрыл Лорренвилль.

– Ренард, – сквозь зубы процедил Даррелл и ударил кулаком по столу. Кружка с питьем подскочила и едва не расплескалась. Гудвок предусмотрительно придержал свою.

– Да, сир Ренард, – согласился он. – Твой брат.

– Но… Вы не слышали о Северне? Я думал, что, возможно, увижу его здесь. Но он покинул Острова раньше, чем мы могли встретиться. Мы с попутчиком проходили деревню Муатару и там услышали историю о Черном Дьяволе. Впрочем, – тут Даррелл усмехнулся, – эту историю знают по всем Островам.

– Верно, – тихо засмеялся Гудвок. – Твой друг успел прославиться, о нем скоро начнут складывать легенды.

– Я всегда знал, что он достоин того, чтоб о нем слагали легенды. Но что за судьба постигла его в дальнейшем? Слышали ли вы что-то о нем?

– Когда школу разорили, я отправился к лорду Поллоку. Он был добр ко мне, как всегда. Дал мне повозку и лошадь, чтобы я смог добраться до Фарпорта. Я был намерен поселиться там в какой-нибудь лачуге и доживать свой век… Войны не для меня-старика. Да, они и никогда не были для меня, – он иронично приподнял свои руки. – Но в Фарпорте Судьбы свели меня с Маркусом Тэнном – он когда-то учился в Лорренвилле так же, как вы. Он узнал меня и позвал с собой: он как раз отплывал сюда. Я согласился, думая, что едва ли переживу путешествие. По дороге Маркус рассказал мне, что давно обосновался на Островах, стал одним из основателей торговли хрусталем и часто ходит по морю, а когда на суше, то участвует в жизни общины Муатару и на очередных выборах даже стал ее Главой. Сейчас он один из влиятельных людей тут. И, как видишь, Судьбы не спешат забрать меня в свой храм… Я живу в доме своего

бывшего воспитанника Маркуса Тэнна, а сегодня жду его возвращения – должен прийти торговый корабль с Фарпорта, и я узнаю новости о том, что делается на нашей с тобой родине… Последнее, что мне известно о Северне – это то, что он вернулся в Амберию около двух лет назад. И, я думаю, воюет на стороне севера.

Даррелл кивнул, о чем-то крепко задумавшись.

– Вероятно, так и есть. А вы не думали вернуться?

– О нет, – засмеялся Гудвок. – Я прижился тут, и мне хочется умереть среди этих ярких цветов, а не среди гор и войны, – взгляд его стал серьезным, он положил руку на локоть Даррелла. – Будь осторожен, мой мальчик. Быть может, тебе тоже не стоит возвращаться.

Даррелл легонько пожал руку кастеляна и твердо сказал:

– Я знаю. Но я должен. Мы должны.

Они попрощались тепло и скоро – подбежавший паренек сказал Дарреллу на плохом амберийском, что лодки уже спускают на воду, и ему нужно поторопиться, если он все еще хочет отплыть сегодня.

Глава 2. В путь

Он знал, от кого это письмо, задолго до того, как увидел королевскую печать. Что таить, Джеймс Поллок ждал этого письма. Он ждал его последние два года и порою стал думать о том, что оно не придет никогда. Возможно, это было бы лучшим для его семьи – чтобы письмо не пришло. Но оно было тут – и нераспечатанным лежало прямо перед ним на столе. Он знал, что написано там. Но прочесть своими глазами – это другое, и Поллок сознательно медлил, не желая рушить последние надежды на то, что ему удастся сохранить свою семью.

В самом начале были традиционные официальные приветствия. Далее королева Элеонор писала:

«Мой сын Эдуард долго томился ожиданием, желая совершить брачный обряд в более мирное время. Однако затянувшаяся война лишает нас возможности медлить и далее. С тем Его Величество высылает отряд, который проводит его невесту Изабелл Поллок в Эмбер для бракосочетания и обеспечит безопасность ее путешествия. Более того, если угодно будет вам, сэр Поллок, и вашим остальным дочерям покинуть дом ради более безопасных в наше неспокойное время южных земель, то я, королева Элеонор, буду рада оказать вам радушный прием в самом Чертоге».

Далее шла удивительно скромная и лаконичная по сравнению с замысловатой гербовой печатью подпись Ее Величества.

Вот и всё. Он должен отослать Изабелл. Ее время пришло.

Это было заманчиво: последовать в Эмбер вместе с ней. Но он не станет. Чертог – это золотая клетка, которой он боялся всю свою жизнь. Их дом здесь, в Лебедином Пруду, и никто не сможет отнять его у них.

Отряд королевских стражников прибыл в Лебединый Пруд вскоре за письмом. Человек, возглавляющий их, назвался лордом-командующим Монфором.

Так как до Пруда они добрались около полуночи, лорд Поллок, не мешкая, велел тотчас же накормить и разместить прибывших на ночлег. Среди них была одна девушка, совсем молодая – оказалось, что королева прислала за будущей невесткой служанку, которая затем должна была прислуживать Изабелл и в Чертоге. Уже утром все они должны были отправиться в обратный путь, забрав с собою Изабелл.

Свою последнюю ночь в Лебедином Пруду Изабелл провела с Элейн и Кьярой. Они лежали на постели втроем и молчали. Все было сказано задолго до этой минуты, и не было сил и желания в сотый раз убеждать себя и друг друга в том, что война скоро закончится, Амберия будет процветать, а Чертог станет для Изабелл вторым домом. Они просто лежали рядом, переплетясь руками, и смотрели в потолок, на котором плясали тени от ветвей деревьев, растущих у дома – последняя ночь Изабелл выдалась на редкость ветреной.

Утром сэр Монфор, как рыцарь, был приглашен за стол вместе со всей семьей. Это был приятный и скромный человек средних лет с удивительно правильными чертами лица и, несомненно, превосходным воспитанием. Словно понимая всю сложность ситуации и ощущая подавленное настроение всех членов семьи, лорд-командующий не навязывал Поллокам свое общение. Он отвечал, когда его спрашивали, не позволял себе пристальных взглядов или еще чего-то, столь же неуместного – словом, вел себя чрезвычайно тактично, за что они все были ему благодарны. Чужак за столом всегда лишает хозяев непринужденности, а Поллокам меньше всего хотелось бы испортить свою последнюю общую трапезу.

– Вы ехали по тракту, сэр Монфор? – спросил Поллок. – Не повстречали северян по пути?

– Нет, сэр, – ответил лорд-командующий. – По тракту мы добрались до Манкора, а затем свернули к Санрайсу.

– И что же там, на востоке? Многие селения пострадали?

Монфор чуть склонил голову.

– Вся Амберия страдает от этой войны, сэр Поллок. И мы все надеемся на то, что следующее перемирие если и не положит ей конец, то хотя бы продлится дольше предыдущих.

– Да…, – протянул Поллок, ободряюще кивая дочерям, которые словно застыли за столом – он прекрасно видел, что ни у одной из них нет аппетита. – Каким же путем вы вернетесь?

– Мы поедем через Санрайс и Фарпорт, – сказал Монфор. – Там сейчас спокойнее всего. По нашим сведениям, северяне сосредоточены на западе.

– Разумно, разумно…

Отдохнувшие кони нетерпеливо переступали ногами, цокая по мощеной дорожке Лебединого Пруда, выспавшиеся и повеселевшие стражники негромко перебрасывались шутками и предвкушали возвращение домой, а лорд-командующий тактично отвел взгляд от крыльца дома, где семейство Поллоков трогательно прощалось с Изабелл. Там же были и слуги, они робко выстроились чуть в стороне, ожидая своего часа, чтобы тоже сказать на прощание своей бывшей хозяйке теплые слова. Не хватало лишь Элейн, но вот и она выскочила из дома, сунула сестре в руки корзинку с провизией и крепко обняла. Кьяра, не стесняясь слез, едва не ревела в голос. Элейн нахмурилась и что-то быстро сказала Изабелл на ухо. Лорд Поллок, словно боясь не выдержать, отступил в сторону и прижал руку ко лбу, то ли защищаясь от первых лучей солнца, то ли пытаясь скрыть свои чувства.

А Изабелл была спокойна и сосредоточена. Монфор не слышал, о чем говорили ей отец и сестры и что отвечала она, но до него донеслась последняя фраза Изабелл, которой, вероятно, она хотела приободрить своих родственников, которых теперь не увидит очень долго.

– В конце концов, стать королевой – это ли не предел мечтаний? – она попыталась улыбнуться им и села в карету, где ее уже ждала служанка. Лорд-командующий немедля поклонился Поллокам, сгрудившимся на крыльце, и дал знак своим людям выступать. Впереди их ждал долгий и, возможно, опасный путь.

– Судьбы! – Северн готов был выругаться, но его отвлек неожиданно выскочивший слева противник. Северн резко развернулся, придав ускорение всей массе своего тела в доспехах – и тот полетел вниз с холма, сбитый с ног. Их вновь застали врасплох, на сей раз в нескольких милях от Сорса. Разведка никуда не годилась. Северн мысленно послал Гидеона Ганна, руководившего отрядом дозорных, ко всем чертям и побежал на помощь своим людям: те бились внизу, где уже вовсю звенел металл, раздавались крики и лилась кровь.

Они не успели построиться – всё смешалось, и теперь каждый отряд вел свою небольшую отдельную битву. Северн успел увидеть Лорда – тот с обезумевшим лицом пытался докричаться до своих – те юноши и подростки, что еще оставались живы, оказались в самой мешанине боя. Южан было немного, но они напали внезапно, и это давало им преимущество.

Северн с разбегу рубанул мечом какого-то невысокого воина; еще одного, который, отшатываясь от противника, едва не врезался в него, просто отшвырнул – ему нужно было увидеть, насколько все плохо и что еще можно сделать.

Краем глаза он заметил Гидеона Ганна: тот дрался верхом на коне, самозабвенно и яростно, он потерял свой шлем, а может, в момент нападения был без него, и каштановые кудри красиво взметались при каждом движении его головы.

Северн так засмотрелся на это зрелище, что едва не поплатился – чей-то меч чиркнул по его наплечнику и чудом не воткнулся в стык доспех. Северн взревел и раздраженно развернулся, замахиваясь – перед ним был удивительно высокий южанин. Мало кто из людей мог сравниться с Далластером в росте – этому удалось. Он был еще и ловок: отпрянув от Северна, рыцарь сделал ложный выпад мечом, и тут же во второй руке его словно по волшебству ока-

зался кинжал. Северн вдруг ощутил тепло и жгучую боль на щеке. Северн, как и Гидеон, был без шлема. Рассвирепев, он выбил кинжал из рук противника, но у того оставался меч, которым он полоснул по ноге Северна, защищенной наколенником. Слишком слабый удар, слишком крепкие доспехи – в ту же секунду Северн ответил ударом на удар – и поверженный соперник упал навзничь, истекая кровью. Пытаясь перевести дыхание, Северн тронул себя за лицо и все-таки выругался: вид собственной крови не испугал его, но привел в настоящую ярость. Ощущая, как внутри него вскипает огонь, Северн с диким ревом бросился вперед, врезаясь в толпу.

Бой подходил к концу. Противника наконец оттеснили, и тот уходил к югу, пытаясь захватить с собой как можно больше своих раненных.

Северн ощутил дурноту. Он не помнил себя во время боя и не знал, сколько это всё длилось и как много крови он успел потерять. Щеку до самого подбородка дергало. Северн поднял чье-то копье, брошенное на поле боя, и, опираясь на него, стал забираться на холм. Но глаза его были начеку – и человека с луком он заметил сразу.

Человек целился в него. И он стоял совсем близко. Северн остановился, тяжело опираясь на копье. Руки и ноги, казалось, налились свинцом.

– Ну вот и всё, Северн, – произнес человек с луком, и Северн с удивлением узнал в нем Якоба.

Того самого Якоба из Лорренвилля.

– Ты?

– Я, – Якоб широко улыбнулся.

Северн заметил на его нагруднике знак Ганнесбурга – синий овал с белым голубем в центре. Заметил он и чистое лицо Якоба, его новенькие, нетронутые боем доспехи.

– Тогда ты ошибся. Южане там, – Северн устало махнул рукой. – Мы ведь вроде против них.

– Я всегда мечтал об этом. Все годы в школе. И потом, когда увидел тебя тут, – сказал Якоб и гнусно хихикнул. – Я скажу, что видел, как один из них едва не сразил тебя. Скажу, что ты не такой уж хороший воин, раз тебя можно убить.

Северн почувствовал, как силы, которые, казалось, покинули его, возвращаются, как наливаются ими мускулы, как расправляется спина, как доспехи словно становятся легче, а рука удобнее перехватывает меч.

Видимо, Якоб тоже что-то заметил, потому что приподнял лук и пригрозил:

– Один шаг – я и выстрелю.

Северн молча смотрел на него. Он не знал, был ли в его жизни еще человек, достойный такого презрения.

– Впрочем, – продолжал Якоб, – я все равно выстрелю.

«А он меток», – с запоздалым удивлением подумал Северн, когда послышался свист и что-то ударило его прямо в грудь. Он пошатнулся, но устоял и посмотрел на Якоба.

Тот щерился в оскале, но через несколько секунд лицо его начало белеть, а улыбка сползла с губ. Потому что теперь улыбался Северн – криво и зло. Стрела, пущенная с такого расстояния, должна была убить его или, как минимум, серьезно ранить – но Якоб не мог знать, что доспехи Северна толще обычных. Наконечник прошел сквозь них и лишь слегка царапнул кожу на груди, не причинив серьезного вреда.

– Надо было в голову, – хрипло сказал ему Северн, все так же криво улыбаясь.

– Нет, нет, нет! – вскрикнул Якоб, когда Северн, не прекращая жутко улыбаться, начал поднимать копье.

Предатель развернулся и был готов бежать – но Северн метнул копье, и Якоб, сраженный в спину, повалился на траву.

Северн попытался выдернуть стрелу из своего нагрудника – металл не поддался, и древко обломилось. Он отбросил обломок в сторону и приблизился к Якобу. Тот не двигался. Поморщившись, Северн носком сапога перевернул тело на бок. Якоб был мертв. Маска недоумения застыла на его лице, остекленевшие глаза смотрели в небо. Северн повернулся и устало пошел прочь.

После нападения южан прошло несколько дней. Они оказались передышкой: враг не появлялся, а наконец кое-как налаженная разведка не приносила никаких новостей о его близости. Наступили дни затишья.

Северн лежал в своей палатке и размышлял. Следовало заснуть, но шрам, оставленный тем высоким южанином, опять заныл. Северн подумал, что он никогда полностью не заживет, что эта отметина останется с ним на всю жизнь. Впрочем, он выбрал путь воина, а воин и шрамы – это верный союз. Но его беспокоило другое. Война длилась уже почти два года, и за это время случилось многое: безуспешные переговоры, мелкие и крупные стычки, потери в бою и в мародерских набегах… Северн ощущал себя потерянным. Он смотрел на лица товарищей и понимал, что они ощущают себя так же. Из всех военачальников, что окружали его, лишь Гидеон Ганн, казалось, не терял задора и боевого духа – уж этого было у него в избытке. Сам Северн желал так же лихо говорить о победах, желать разбить наконец южан, покорить всю Амберию – но он понимал, что это невозможно. По крайней мере не так, как пытались сделать они, верные приказам Ренарда. Война, которая должна была объединить Амберию, на деле оказалась чем-то беспорядочным, бессмысленным и потому выматывающим. И Северн не видел ей конца. Юг и север обладали войсками, которые ни в чем не уступали друг другу. Приказы Ренарда были спорными и часто непонятными – судя по действиям южан, их королева командовала не лучше. Война затянулась, уносила жизни людей, разрушала их дома, иссушала души.

Северн раздраженно скинул с себя плащ, которым по привычке укрывался ночью, и поднялся. Ему все равно не заснуть.

Лагерь спал. Вокруг стояла тишина, нарушаемая только еле уловимым людским храпом да шумом ветра в вершинах деревьев. Остро пахло разнотравьем – лето щедро раздавала свои последние дары. Северн заметил одного из часовых, обернувшегося на его шаги, и коротко кивнул ему.

У костра темнела чья-то сгорбленная фигура. Северн приблизился и с удивлением узнал в ней всегда подтянутого Лорда.

– Сэр Орт.

Лорд молча поднял голову, посмотрел на Северна и вновь склонился, как-то зло исподлобья глядя на трещавшие сучья.

Северн не стал ничего спрашивать. В конце концов, его настроение мало чем отличалось от настроения Лорда, которому во всем этом деле выпала самая незавидная участь – вести в бой детей. Северн видел, что Лорд всеми силами пытается беречь своих бывших воспитанников, не дает им выступать в открытом бою, но в случае засады, как было под Сорсом, это становится невозможным. И вот теперь он сидит тут совсем один, пока весь лагерь спит, и лишь Судьбы знают, какие думы согнули его прежде гордую спину.

Северн не ожидал, что сэр Орт заговорит, и едва не вздрогнул от неожиданности, когда услышал его глухой голос.

– Я собираюсь увести их, - сказал Лорд.

Он оторвал взгляд от огня и посмотрел прямо на Северна. Его глаза были уставшими и серьезными.

– Куда?

– Подальше отсюда. Возможно, если нам повезет, большинство из них сможет вернуться домой.

Северн подбросил в костер корягу. Та ярко вспыхнула и затрещала.

– Король повесит вас, если поймает.

Лорд невесело усмехнулся.

– Меня мало волнует моя судьба. Но эти дети… Я больше не могу смотреть им в глаза.

Северн не нашелся, что сказать в ответ.

– Я помню тебя мальчишкой, Северн. Вы называли меня Лордом… Я и должен был стать лордом Табрии, но отец… Впрочем, это было давно. Я решил посвятить себя искусству войны. Знаешь, все, кто обучает этому, в душе надеются, что умение это не пригодится. Но вот, – Орт каким-то обреченным жестом обвел темноту вокруг них и уронил руку. – Да, – голос его звучал глухо. – Помню тебя мальчишкой… Помню всех вас. Живых и мертвых… Особенно мертвых.

Лорд встал и пошел к палаткам. Он ни о чем не просил Северна, но это было и не нужно: когда утром не досчитались лорренвилльского отряда, Северн просто промолчал.

Глава 3. Ганнесбург

Его Величество король Эдуард не мог уснуть.

Это случалось с ним довольно часто, и, как был уверен Родерик, решалось очень просто – с помощью банальной прогулки перед сном. Или хотя бы тщательным проветриванием королевской опочивальни. Но Его Величество не любил гулять и страшно боялся сквозняков. Поэтому сейчас он с кислой миной сидел в своей огромной постели, балдахин которой был поднят с того боку, откуда открывался вид на камин и кресло перед ним. В кресле, конечно же, устроился Родерик. Он вообще считал это кресло своим – король никогда не сидел около огня. Родерик думал, что это, вероятно, из-за боязни, что случайная искра попадет ему на одеяние или, чего хуже, на его пышные волосы.

– Я жду, – напомнил о себе король, прерывая размышления Родерика.

– Колыбельной?

Эдуард болезненно поморщился.

– Шут ты или кто? Развесели же меня.

– Веселье перед сном не способствует быстрому засыпанию, мой сир король.

– Зачем же ты тогда сидишь тут?

– Греюсь у очага, – Родерик безмятежно улыбнулся и закинул руки за голову.

– Мог бы погреться и внизу, с другими слугами, – проворчал Эдуард.

– Ну неет, – протянул шут. – Там гораздо холоднее. С прискорбием вынужден вам доложить, сир король, что вы экономите на слугах. Они у вас недоедают, недосыпают и недогреваются.

– Не моя забота, – отмахнулся Его Величество Эдуард.

– Как же не ваша? Беспокойство о каждом жителе королевства – есть непременное обязательство любого правителя.

– Это забота моей достопочтенной матушки.

На это Родерик предпочел благоразумно промолчать. Он потянулся к камину, чтобы погреть ладони, и ненароком спросил:

– Правда ли, мой король, что ваша достопочтенная матушка послала в Приграничье за вашей нареченной?

Родерик не отрывал взгляда от пляшущих язычков пламени, но и так мог с уверенностью сказать, что лицо Эдуарда исказила гримаса.

– Да.

– Стало быть, скоро свадьба?

Король посмотрел на своего шута с подозрением.

– А тебе-то что до этого?

– Ну как же! – в притворном испуге воскликнул Родерик. – Вы женитесь, и этого теплого местечка мне не видать более! А я так к нему привык… О, горе мне, горе, буду мерзнуть, как все…

– Ну вот еще! – пробормотал Эдуард. Кутаясь в одеяло. – Неужели ты подумал, будто короли и королевы спят в одной комнате?

– Значит, мое кресло останется моим?

– Обещаю тебе.

– Вашему великодушию, о мой правитель, нет предела…

– Ступай-ка прочь, ты утомил меня, – с этими словами Эдуард откинулся на подушки и зевнул.

Родерик молча улыбнулся, вскочил со своего места и танцующей походкой приблизился к монаршему ложу.

– Опустить балдахин?

– Нет, – ответил Эдуард. Глаза его были уже закрыты, и на лице поселилось умиротворение, свойственное мирно засыпающему человеку. – Не надо, не то я задохнусь тут.

– Хорошо, – кивнул Родерик и тихо пошел к выходу. Уже в дверях он обернулся и почти ласково сказав: «Доброй тебе ночи, Эдуард», вышел из покоев короля, прикрыв за собою дверь.

Он шел по запутанным коридорам Чертога путем, который знал только он. Впрочем, путь Родерика к его каморке часто менялся: шут не хотел, чтобы какие-нибудь недоброжелатели вычислили его маршрут. А недоброжелателей у него наверняка хватало. Сложно так долго жить при дворе и быть в столь близких отношениях с королем без того, чтобы не нажить врагов.

Мысли о собственной смерти – о возможности этого – не особенно волновали Родерика. Он был одиночкой, ему не о ком было заботиться – разве что об Эдуарде – и о нем самом не заботился никто. Шуты редко умирали от старости. Как и короли. Вполне возможно, однажды он выберет не ту дорогу и свернет не в тот коридор, чтобы пасть на богатые ковры Чертога с ножом в спине. Возможно… Но, возможно, и нет.

Гораздо больше Родерика взволновала весть о предстоящей свадьбе короля. Эдуард – ведомый человек, который подчинялся другим всю свою жизнь, и, коли невесту выбирала королева, Родерик не сомневался – девушка должна быть такой же, как и ее будущий супруг. Элеонор не допустила бы в семью кого-то сильного. О нет, она хочет править всегда, хочет решать всё сама, и она никогда не отдаст власть над Эдуардом и короной в третьи руки. Но Родерик понимал, что Элеонор – не лучший правитель для Амберии. Она взошла на трон, замарав руки в крови своего мужа и поработив волю собственного сына-наследника. Властная, упрямая, сильная – это неплохие черты для правителя. Но Амберии нужен кто-то более гибкий, дальновидный, внимательный. Тот, кто будет слушать не только собственное «я». Родерик боялся, что Элеонор может в итоге утопить страну в крови, а если станет править Эдуард – утопят его.

Они отъехали от Лебединого Пруда совсем недалеко, как вдруг лорд-командующий дал приказ остановиться.

Изабелл выглянула из окна кареты, и сэр Монфор кивнул ей.

– Что-то случилось?

– Все хорошо, леди. Но нам нужно принять меры предосторожности.

И далее Изабелл услышала, как он велит отряду разделиться на три группы. Первая двинулась вперед. Слуги принялись снимать с кареты королевские знамена, и вскоре они тронулись вслед за первым отрядом. Остальные воины должны были замыкать шествие, держась на расстоянии от центральной группы. По мнению Изабелл, это было вполне благоразумно – в плане безопасности – им не стоило привлекать к себе лишнее внимание, и королевским знаменам юга сейчас не было места на севере. Поэтому она приветливо улыбнулась своей новой служанке, которая несколько неловко поглядывала на нее, а потом прикрыла глаза и откинулась на спинку сидения. Со стороны могло показаться, что Изабелл дремлет, но это было не так. Она погрузилась в размышления.

Утром следующего дня королевский отряд, сопровождающий леди Изабелл в Чертог, благополучно миновал Мийен, где они останавливались на ночлег, и направился дальше по тракту по направлению к Санрайсу. Около полудня они остановились у источника. Следовало пополнить запасы воды, так что Монфор приказал свернуть с дороги и устроить привал. Воспользовавшись недолгой передышкой, Изабелл захотела спуститься к роднику. Лорд-командующий, велев паре своих подчиненных взять баклаги, отправился с ней: видимо, таков был его долг: не оставлять невесту короля ни на минуту. Изабелл не стала возражать, ей нравился этот

тактичный и умный человек несмотря на то, что он казался ей несколько зажатым и чересчур педантичным.

Они молча стояли у ручейка и наблюдали, как воины наполняют баклаги, а потом Изабелл опустилась на колени и аккуратно зачерпнула ладонями воду. Ключевая вода оказалась такой холодной, что от нее заломило зубы, но Изабелл лишь тихонько засмеялась – за этот вкус, вкус свежести и свободы, можно было вытерпеть не только холод.

Гвардейцы ушли к карете, и Изабелл подняла голову, глядя на Монфора – он был, как всегда, серьезен и собран. Она подумала, что, возможно, он тоже хочет напиться, но ему неловко при ней, и собиралась уже предложить ему это, как вдруг лорд-командующий заметно напрягся и застыл.

– Что?..

– Слышите?

Откуда-то со стороны дороги доносились неясные голоса. Заржала лошадь.

Знаком велев ей оставаться на месте, Монфор метнулся к кустам, вероятно, намереваясь обнаружить источник звука. Изабелл подумала, что, верно, их нагнала хвостовая часть отряда, но решила тоже быть осторожной, поэтому сделала несколько шагов и, спрятавшись за широкий ствол дерева, выглянула из-за него.

По дороге действительно двигался отряд, но никакого отношения к королевскому войску он не имел. Это были люди в разномастной одежде. Изабелл подумала, что кто-то из них выглядит, как крестьянин, кто-то – как воин, а некоторые напоминали хорошенько потрепанных жизнью бродяг. Тем не менее, у всех девятерых (столько успела насчитать Изабелл) были лошади. И оружие – тоже всех мастей: пики, колья, мечи. У одного в руках она заметила что-то, похожее на кузнечный молот.

Они переговаривались, кто-то смеялся – словом, вели себя на дороге по-хозяйски. Догадка осенила Изабелл: вероятно, это были одни из тех, кто не примкнул ни к югу, ни к северу, те, кто всегда, в любой войне, лишь сами за себя.

Внезапно ощутив на своем плече чью-то руку, Изабелл едва не вскрикнула, и лишь природная сдержанность помогла ей не проронить ни звука. Резко развернувшись, она оказалась едва ли не прижатой к груди лорда-командующего.

Она вскинула голову, пытаясь заглянуть в его лицо; сэр Монфор беззвучно произнес извинение, а затем приложил палец к своим губам.

Изабелл и сама понимала, что вести себя нужно тихо, иначе всадники заметят их.

Монфор сделал пару осторожных шагов, утягивая за собою Изабелл так, чтобы они оказались еще более надежно скрыты ветвями раскидистого дерева.

По дороге, меж тем, проехали последние представители странного отряда. Когда пыль, поднятая копытами их лошадей, улеглась, Монфор осторожно выглянул из-за куста.

– Похожи на мародеров, – вырвалась у него едва слышная фраза.

– Они едут к деревне? – шепотом спросила Изабелл. – Что, если нам попытаться…

Он медленно и уверенно покачал головой, но губы его были крепко сжаты, а лицо сильно побледнело.

– Мы должны доставить вас в Чертог. Нельзя рисковать.

Он был прав. Намерения этих людей им доподлинно неизвестны. А если они последуют за ними, то потеряют время и сами могут оказаться в ловушке северян. Изабелл невольно вцепилась в рукав сэра Монфора, стремясь совладать со страхом и негодованием. Сколько еще должна продолжаться эта война! Сколько еще им придется прятаться, терпеть произвол всяких негодяев, которых нынче развелось немало, как всегда бывает в смутные времена! Наступит ли в Амберии долгожданное спокойствие?

Она почувствовала, как лорд-командующий глубоко вздыхает, осторожно отцепляет ее холодные пальцы от своей руки и шепчет прямо ей в ухо:

– Идемте.

В карете ее ждала насмерть перепуганная Милли, которой уже рассказали о рыскающих вблизи разбойниках. Девушка забилась в самый угол, всю ее сотрясала мелкая дрожь, и Изабелл поспешила поскорее сесть рядом и обнять горничную за плечи.

– Всё хорошо, всё будет хорошо, мы в безопасности.

Карета тронулась, сперва тихо, а затем быстрее – и через несколько минут Изабелл поняла, что они отклонились от первоначального маршрута: видимо, сэр Монфор решил свернуть с тракта.

Тем временем северные войска медленно, но верно стягивались к Ганнесбургу. Наступала осень, и предчувствие еще одной зимы, проведенной в бесплодных военных походах, заставляло роптать не только простых воинов, но и их командиров. Всё чаще поговаривали о том, чтобы послать к королю Ренарду с просьбой о перемирии – спустя два года уже всем стало ясно, что война ни к чему не приведет. Деревни разорялись, крестьяне страдали – больше не от военных столкновений, а от бесчинства мародеров, коих ввиду безнаказанности развелось очень много. Часть посевов оказалась вытоптана или сожжена, люди шептались о надвигающемся голоде и провожали войска – как чужие, так и свои – ненавидящими взглядами. Амберию накрыло туманом разочарования.

Северн Далластер и Гидеон Ганн двигались вместе и вместе же встретились под стенами Ганнесбурга с только что подошедшим к замку Уилласом Ганном.

Северн не видел его с прошлого года, с переговоров под Миейном, и теперь удивился изменениям, произошедшим с рыцарем за это время. Уиллас Ганн постарел. Лицо его осунулось и огрубело, меж бровями залегла глубокая складка, спина, прежде горделиво выпрямленная, теперь сутулилась так, что ее хозяин, казалось, желает и вовсе исчезнуть с лица земли. Но больше всего поразил его потухший взгляд рыцаря – подобный он уже видел у Лорда в ту ночь, когда лорренвилльские мальчишки тайком покинули лагерь. О их судьбе Северн ничего не знал до сих пор. Но едва ли король Ренард оставил это как есть.

Уиллас был немногословен, но приветлив. Он обнял племянника и похлопал его по спине, а затем пригласил Северна в замок. Далластер заметил, что при ходьбе старший Ганн сильно припадает на правую ногу и подумал, что, возможно, тот был ранен в сражении. Северн невольно коснулся своего лица – шрам болел, но теперь боль была уже глухая и не доставляла такого неудобства, как раньше.

Ему никогда прежде не доводилось бывать в Ганнесбурге, и поначалу этот замок напомнил Северну Каменную Гряду, которую он покинул еще ребенком. Но Каменная Гряда была в горах, Ганнесбург же занимал равнину и был выстроен вдоль реки, которая здесь была широкой и спокойной, с пологими песчаными берегами и тихими заводями, где крестьяне частенько вылавливали крупную рыбу.

Северн никогда прежде не видел леди Асторию, но, довольно насмотревшись за эти два года на Гидеона Ганна, представлял его жену совсем другой. Теперь же он мог сказать, что она, по-видимому, унаследовала все худшие черты внешности Валентайлов: невыразительные глаза, чуть скошенный подбородок (такой же, впрочем, имел и сир Ренард, но умело прятал под небольшой бородкой), волосы неопределенного цвета, долговязую неженскую фигуру… И Северн впервые задумался, почему такой человек, как Гидеон, женился на ней. Верно, ответом могло послужить ее имя – Валентайл – потому что о любви речи не шло. Что супруги не питают друг к другу нежных чувств, стало заметно сразу, как только они вошли в дом. Леди Мерсия едва сдерживалась, чтобы не броситься к мужу: Северн видел ее обеспокоенный взгляд и нервные движения, когда она, быстро проговорив все необходимые приветствия, тут же подошла к сэру Уилласу и незаметно принялась ощупывать его руки, словно пытаясь убедиться в том, что он цел и невредим. Леди Астория же спокойно расправила платье и равнодушно протя-

нула руку Гидеону – тот поцеловал ее со своей знаменитой усмешкой…на том приветствие и закончилось.

Северну выделили комнату, которой он тут же воспользовался, дабы привести себя в порядок после долгой дороги, и вновь увидел хозяев Ганнесбурга лишь на ужине.

За столом царила тишина. Мужчины выглядели уставшими, женщины обеспокоенными. Блюда, несмотря на всё своё великолепие, не радовали, как должны были бы после долгого похода, свечи казались тусклыми и холодными, а постели, ожидающие наверху, не манили своей чистотой и мягкостью. Тревога витала в воздухе, тонким сквозняком пронизывая зал.

После ужина хозяин дома позвал Северна и племянника в одну из дальних комнат для разговора. Там он тяжело опустился в одно из кресел и жестом показал им на другие. Северн тут же сел. Гидеон предпочел опереться на подоконник, сложив руки на груди. Уиллас вздохнул и усталым взглядом уперся в стену напротив.

– Скажу без обиняков, – начал он. – Я говорил со многими военачальниками – и все они желают прекратить эту войну.

– Мы шли с самого востока. Там крестьяне жалуются на разорение и неурожай, – тихо добавил Северн.

Уиллас кивнул.

– Ходят слухи, что на севере была вспышка холеры.

Северн вскинул голову.

– На севере? В Каменной Гряде?

– Да.

– Они наверняка закрылись – так делали, еще когда я был ребенком.

– Да, но этим слухам уже много недель, вполне возможно, болезнь миновала. Но если все же допустить возможность того, что холера придет сюда…

– Войско… Зараза расползется в мгновение ока, – нахмурился Северн.

– Поэтому мы должны обратиться к королю с просьбой заключить перемирие, пока не слишком поздно. Пока еще можно что-то сохранить.

Гидеон хмыкнул и, отлепившись от окна, прошелся по комнате.

– И как вы хотите сказать об этом сиру Ренарду? Я имею в виду, чтобы он не приказал всех вас повесить за мятеж.

– Вас? – удивился Северн. – Разве вы не с нами?

Гидеон развел руками.

– Я с королем.

– Если все лорды, как крупные, так и мелкие, обратятся к нему, он будет вынужден прислушаться. Иначе мятежа не избежать. И, если его устроят воины, нам их не сдержать. Сир Ренард должен понимать, что такая долгая кампания не приносит никаких плодов, кроме разрушения и отчаяния. Значит, нужно что-то менять. Перемирие, по крайней мере, позволит выиграть время и даст передышку.

Северн кивнул, во всем соглашаясь с Уилласом, и поднял взгляд на Гидеона. Тот с задумчивым видом плюхнулся в свободное кресло.

– Ну так и займитесь этим, дядюшка. Вы же у нас ближе всех к королю.

Северн уловил в словах Гидеона какую-то насмешку и вопросительно посмотрел на Уилласа. Но Ганн-старший был спокоен.

– Я обращусь к королю от лица всех лордов. Это мой долг. Если на меня падет гнев сира Ренарда – что ж, так тому и быть. Я довольно пожил на свете, но жить в такой Амберии не хочу.

– Громкие слова, – пробормотал Гидеон едва слышно.

– Сэр Орт дезертировал, – продолжил Уиллас, обращаясь к Северну. Взгляд его был непроницаем, и Далластер только кивнул в ответ. – Но некоторая часть войска Лорренвилля не

ушла – по моим данным, они под Мийеном. Нам нужно привести их на север. Сэр Далластер, я хотел поручить это вам.

Северн помедлил секунду, но вновь кивнул. Пожалуй, из всех людей, окружающих его в этой войне, более всего он полагался на сэра Уилласа Ганна.

– Я выдвинусь утром.

– Да, в этом деле не стоит ждать. Ну а ты, Гидеон? – старый рыцарь взглянул на молодого красавца, чей внешний вид не попортили даже многочисленные сражения и трудная походная жизнь. – Ты с нами?

Тот широко улыбнулся, показывая белые зубы.

– Будет день – будет пища, дядя.

Они разошлись далеко за полночь, и Гидеон остановился посреди коридора в раздумьях: где ему нынче ночевать? Покои леди Астории были в двух шагах, и она сама сегодня вечером красноречиво намекнула ему, что ее мягкая постель будет рада принять его, но Гидеону не хотелось к жене. Он не видел ее долго – и желал бы не видеть еще столько же. Подумав, что усталость после военного похода должна послужить ему законным оправданием, Гидеон направился в комнату, где мылся и отдыхал с дороги днем. Там было не так просторно и роскошно, как в спальне Астории, но после ночевок в палатке любая кровать могла казаться поистине королевским ложем. Поэтому он свернул и пошел вдоль пустых комнат в поисках той самой, холостяцкой. Однако по пути ему нестерпимо захотелось есть: все-таки ужин был давно, а между Гидеоном и завтраком еще целая ночь, так что он отправился на кухню.

Там было темно, горела лишь одна свеча, и сперва ему показалось, что в кухне никого нет. Но едва он вошел, как чья-то тень мелькнула у печи и непременно успела бы исчезнуть в кладовой, если б Гидеон не поспешил окликнуть:

– Эй! Есть тут кто? Бонна?

Тень помедлила, но все же вернулась в центр комнаты, и в блеклом свете Гидеон с удивлением распознал в ней леди Мерсию.

– Тетушка? – иронично улыбнулся он, вальяжно устраиваясь за столом. – Что это вы тут делаете посреди ночи? Неужто печете пирожки к завтраку любимому мужу? И племяннику, естественно.

Мерсия взяла свечу и поставила ее в центр стола – теперь она освещала лицо Гидеона. Минуту они сидели молча, и Гидеон изучал лицо молодой женщины, которую он помнил совсем девочкой, маленькой, нескладной и пугливой. Ему давно не приходилось видеть ее так близко, и смотреть прямо в ее глаза – обычно она старательно их отводила. Но не теперь. Теперь лицо ее было серьезно и спокойно, и в глазах жило что-то совсем взрослое.

– Вы исхудали, – вдруг печально сказала Мерсия, нарушая их нечаянную тишину. – Впрочем, как и Уиллас.

Гидеон развел руками:

– Война.

Она кивнула так, словно поняла всё, что хотел сказать он этим кратким словом, а потом спросила:

– Вам что-нибудь нужно? Воды?

– Вообще-то я желал бы поесть. Тут осталось что-нибудь с ужина? И где Бонна? Верно, спит?

Сколько себя помню, старуха всегда любила это дело.

– Не нужно ее будить, – прервала его Мерсия. – Она устала сегодня. Я сама подам.

И она, пошарив в кухонных шкафах, стала выкладывать на стол сыр, хлеб, холодное мясо. Потом, подумав, поставила перед Гидеоном кувшин.

– Что там? Молоко?

– Эль.

– О! – одобрительно воскликнул он. – Неожиданно любезно с вашей стороны.

Она ничего не ответила, и Гидеон подумал, что Мерсия поспешит исчезнуть, как всегда делала при встрече с ним, но она вдруг опустилась на стул по другую сторону стола. Но теперь она смотрела куда-то в темный угол, плечи ее поникли, и Мерсия казалась безмерно уставшей и выглядевшей старше своих лет. «А ведь она, по сути, совсем девочка. Осталась той самой девочкой», - пронеслась в голове Гидеона непрошенная мысль, и он поскорее запил ее элем.

– Ничего, – сказал он неожиданно даже для самого себя. – Война скоро кончится.

– Вы думаете? – она взглянула на него с надеждой.

– Все войны рано или поздно кончаются. Дядя с другими лордами готов просить Ренарда о перемирии.

– Этого я и боюсь…

– Перемирия? – вскинул он брови, отрезая ломоть хлеба.

– Нет, того, что Его Величество рассердится.

Гидеон хохотнул.

– Ну, дядюшка – человек старой закалки, он таких вещей не боится.

– Рыцарь, – протянула Мерсия едва слышно, и Гидеон не разобрал, чего в ее голосе было больше: гордости или укора.

– Ага, без страха и упрека, – он отсалютовал ей кубком. – Выпьете со мной, тетушка?

Мерсия покачала головой и поспешно поднялась.

– Ну, куда же вы?

– Скоро рассвет. Нужно хоть немного поспать. И вам тоже, кстати.

Он подмигнул ей:

– Это приглашение?

Она на миг застыла, а потом посмотрела прямо на него.

– Почему вы всегда ведете себя так…

– Как?

– Грубо. Непристойно.

Гидеон откусил сыру и пожал плечами:

– Ну, очевидно, я не могу иначе.

Мерсия хотела еще что-то сказать, но лишь поджала губы и торопливыми шагами покинула кухню, оставив Гидеона в одиночестве. Он усмехнулся и глотнул эля прямо из кувшина.

Утро выдалось таким туманным, что невозможно было и пытаться разглядеть что-то дальше тридцати шагов. Леди Астория не спала. Она просидела при свечах всю ночь, ожидая своего супруга и понимая, что он не придет. Их союз был ошибкой с самого начала, и глупо было надеяться, что между ними могут сложиться отношения, хоть отдаленно напоминающие отношения любящих друг друга супругов. Но она все же ждала. Потому что не ждать означало признаться в своей ошибке.

Когда рассвело, Астория подошла к окну. Оно выходило во внутренний двор – хороший вид из лучшей комнаты (а могло ли быть иначе для нее, дочери короля?) – и там в густой пелене тумана можно уже было различить чьи-то фигуры. Слуги подводили оседланных лошадей. Астория разглядела грузную фигуру сэра Уилласа, рядом с которой мелькал кто-то невысокого роста, закутанный в плащ – верно, леди Мерсия. Уиллас наклонился к жене, словно желая что-то сказать, а потом сел на коня. Вокруг были и другие конные, Астория не могла хорошенько разглядеть их. Минута-другая – и всадники строем покинули двор. Тут же внизу появился человек, которого и в такой туман сложно было с кем-то спутать: массивная фигура Северна Далластера немного неуклюже поклонилась все еще стоящей во дворе Мерсии и уже гораздо более уверенным шагом двинулась к лошади. Нужно отметить, что и конь у этого севе-

рянина был крупным, крупнее всех, что когда-либо приходилось видеть Астории. Под стать своему хозяину. Астория невольно улыбнулась: если бы его старший брат был хоть немного похож на него, возможно, в свое время она бы и не взглянула в сторону Гидеона…

Тем временем Северн вскочил в седло с поразительной для своих габаритов ловкостью и, еще раз поклонившись хозяйке дома, направился к воротам вслед за сэром Уилласом и его спутниками.

Астория узнала у слуг, что Гидеон поднялся позже всех и еще в замке. Это было ей на руку – она давно подумывала поговорить с ним о вещах, которые могли его заинтересовать и которые стали бы хоть каким-то фундаментом их дальнейших отношений. Астория не могла и дальше терпеть его безразличие. Если Гидеон не может полюбить ее саму, она знает, что может пленить его разум и душу. Власть.

Он совершенно точно не ожидал увидеть свою супругу за завтраком, и еще более оказался не готовым к лицезрению ее довольного вида.

– Что-то случилось, пока я спал, миледи? – не без ехидства спросил он, наливая себе вина – Гидеон был не из тех, кто отказывается от того, что хочет, только лишь из-за неподходящего для выпивки времени суток. – Пошили себе новых платьев?

– И вам доброго утра, дорогой супруг. Признаться, здесь зябко, – она поежилась, косясь на открытое окно, и опустилась на лавку напротив мужа, жестом отпустив служанку, принесшую свежий хлеб.

– Люблю свежий воздух поутру, – буркнул Гидеон, отламывая хлеб. – Должно быть, я должен извиниться, но в темноте я заблудился и не нашел ваших покоев, потому спал в… другом месте, – тут он многозначительно подмигнул, посылая в ее сердце отравленную стрелу.

Астория порывисто встала.

– Мне безразлично, с кем ты спишь, – презрительно бросила она, гордо прошествовав к окну и плотно притворив его. – Но мы могли бы быть полезны друг другу. В другом.

– Да? И в чем же?

Сделав над собой видимое усилие, она медленно вернулась к столу и села. На этот раз рядом с мужем.

– Аэлреда не видели уже много лет. Даррелл пропал. Ренард не очень умен…

Гидеон заинтересованно окинул жену взглядом.

– О, что это такое сквозит в твоих словах, дорогая? Неужто ты хочешь стать королевой?

Астория нахмурилась.

– Это южане могут служить женщине. Северяне не станут.

Он отсалютовал ей кубком и хмыкнул:

– Полагаю, что недооценивал тебя, миледи. Но продолжай, продолжай, мне определенно нравится ход твоих мыслей.

– Поэтому…мы будем править вместе, – она приблизилась, и ее тонкая рука скользнула по его плечу.

Гидеон проследил за ней взглядом, и ухмылка появилась на его красивых губах.

– Предлагаешь мне стать марионеткой? Мальчиком на побегушках?

Она поморщилась.

– Вовсе нет. Зачем так грубо? Носить корону будешь ты. Но за это ты станешь прислушиваться ко всему, что я буду говорить тебе. Всего лишь прислушиваться. Неужели для тебя это так много?

– Боюсь, дорогая моя, что для тебя этого слишком мало.

Она смерила его взглядом и нахмурила тонкие брови.

– Так ты отказываешься?

– Я соглашаюсь, – Гидеон перехватил ее руку и сжал в своей.

Сжал сильнее, чем следовало. Она поморщилась.

– Только вот что, любимая женушка, – черты его красивого лица обрели жесткость. – Не вздумай обманывать меня.

– Ну что ты, - ей наконец удалось выдернуть свою ладонь из его хватки, и ее губы поджались. – Ведь я предана тебе всей душой.

Глава 4. Эмбер

Изабелл, измученная дорогой, в течение которой они дважды попадали в такой дождь, что им приходилось останавливаться и пережидать непогоду, в течение которой однажды кони понесли и карета едва не перевернулась, в течение которой разведчик, посланный вперед, так и не вернулся, и сэр Монфор принял решение сменить направление и идти в обход, дорогой, полной тревог и волнений, сейчас сидела и смотрела в окно кареты на поля, что простирались вокруг. На предыдущем привале в Манкоре они выехали на королевский тракт, весь отряд подтянулся к ним, на карету вернули гербы, а стража вновь щеголяла в желто-красных плащах цветов Эмбера. По мнению Изабелл, это означало, что они достигли безопасных земель. Скоро и лорд-командующий подтвердил ее догадку: направив свою лошадь к окну кареты, он сказал ей, что они уже близки к Эмберу.

Здесь, на юге, было заметно теплее, ничто еще не предвещало осени, травы были по-прежнему зелены, а кое-где виднелись неяркие полевые цветы. Дорога шла через луг; в вышине парила какая-то большая птица, то поднимаясь к самим облакам, то снижаясь, ловя крыльями потоки воздуха и ветер, она высматривала в густой траве добычу, но пока безрезультатно, и она то и дело испускала тревожно-просительные крики, словно жалуясь на свое охотничье невезение.

Сама дорога стала тут значительно ровнее, и Изабелл с Милли больше не подкидывало на ухабах, чему обе искренне радовались. Служанка даже достала свое шитье и бойко принялась за дело. Изабелл же смотрела в окно, не отрываясь, стараясь не пропустить ни одной приметы здешних земель – места, где отныне ей предстояло жить.

Эту часть юга война не затронула. Они проехали мимо какого-то небольшого селения, и Изабелл обратила внимание на дома и ограды, покосившиеся разве что от времени, на буйно колосящиеся поля с пробегающей по ним от ветра рябью, на яблони и груши, чьи ветви склонялись под тяжестью зреющих плодов. Крестьяне, идущие по своим делам, останавливались, завидев карету с королевским гербом, и долго смотрели ей вслед, верно, пытаясь угадать, кто скрывается внутри.

Они миновали деревню, отъехав достаточно для того, чтобы та полностью скрылась из виду, и лорд-командующий велел остановиться.

Опираясь на его любезно предложенную руку, Изабелл выбралась из кареты и огляделась. Вокруг простиралась степь, но на самом горизонте темнел густой лес.

– Этот привал последний. Через несколько часов мы прибудем в Чертог.

Изабелл кивнула и сказала:

– Я хотела бы поблагодарить вас, сэр Монфор. За то, что эта дорога не стала такой опасной, какой могла бы стать.

Лорд командующий с достоинством поклонился.

– Для меня было честью сопровождать вас, леди Изабелл.

Поклонившись, он отошел к своим людям для распоряжений, а Изабелл немного прошлась вперед и вернулась к карете, у которой ее ждала Милли. Девушка счастливо улыбалась.

– Ты родом с юга? – спросила ее Изабелл.

– Да, госпожа. Я родилась и выросла в Эмбере.

– И, верно, ты рада вернуться домой, – улыбнулась Изабелл.

– Очень, госпожа! – воскликнула Милли и, видимо, сообразив, что дом ее новой хозяйки остался далеко позади, поспешила заверить ее:

– Вам непременно понравится тут, госпожа! Эмбер очень красив, а сам Чертог – это лучшее место на земле.

Изабелл кивнула. Она и сама была бы рада поверить в это.

Город поразил Изабелл. Она никогда не покидала Лебединого Пруда прежде и даже не думала, что есть места, подобные Эмберу. Городская стена, высокая и светло-серая, покрытая глубокими морщинами от постоянного влияния солнца, ветра и дождя, казалась древней, хотя Эмбер был сравнительно молодым городом. Ярким пятном на ней выделялись темно-красные ворота, обитые железом. В самом центре был изображен герб Эмбера: ярко-желтое солнце на красном небе, и в самом центре солнца сиял большой янтарь. Ворота были высоки, но городские башни еще выше: некоторые из них выглядывали из-за ворот и, казалось, вершинами готовы были устремиться в небеса. Самая высокая башня из какого-то темно-красного камня, такого темного, что издалека казалась черной, была Чертогом – об этом Изабелл узнала от Милли.

– Чертог обнесен Крепостцой. А уж с нее хорошо видно то, что позади города, с другой стороны.

– А что же там?

Милли пожала плечами.

– Ничего особенного, госпожа. Дома, улицы. Но в хорошую погоду оттуда можно увидеть Мертвые земли.

– Пустыню?

– Да, госпожа. Ой, смотрите, сейчас будут открывать ворота.

И правда, раздался какой-то далекий утробный скрежет, и половинки солнца начали расходиться в разные стороны. Изабелл невольно затаила дыхание: Эмбер ждал ее.

Обилие людей оглушило Изабелл. Она никогда бы не подумала, что за воротами скрывается столько горожан, и все они соберутся на улице, чтобы поглазеть на нее. Изабелл невольно поморщилась: шум толпы действовал на нее удручающе, так что она поспешила спрятаться в глубине кареты и даже прикрыла глаза. Милли же едва ли не высунула голову в окно и с упоением докладывала своей госпоже, как много людей встречает их, хотя королева Элеонор и король Эдуард и не должны были делать официального объявления о прибытии королевской невесты в город. Но слухи есть слухи – они живут своими законами и мало подчиняются чьей-либо власти – и теперь среди всеобщего шума то там, то здесь можно было различить чьи-то выкрики: «Да здравствуют Валентайлы!», «Дорогу невесте короля!»

– Сэр Блэк! – воскликнула вдруг Милли с таким выражением то ли восхищения, то ли страха, что Изабелл поневоле стало любопытно. Фамилию Блэк в Амберии по традиции носили незаконные дети – те, кто не знал имени своего отца или не мог взять его по причине рождения вне брака ,– и отчего какой-то бастард вызвал столь бурную реакцию служанки? Изабелл должна была увидеть его своими глазами.

Поэтому она с любопытством выглянула из окна, и тут же увидела перед собою в толпе людей всадника. Он был во всем черном, и конь его был чернее ночи, и человек этот смотрел прямо на нее. Она слегка улыбнулась – не ему даже, а, скорее, своему предвкушению долгожданного конца столь непривычно долгого для нее пути, но человек тут же приподнял шляпу и чуть поклонился ей. Чей-то крик отвлек ее, а когда Изабелл вновь посмотрела туда, то человека в черном уже не было.

Тем временем карета достигла Чертога, открылись еще одни ворота, поменьше главных городских, и Изабелл со своим сопровождением очутилась во внутреннем дворе, где было удивительно тихо: весь люд остался там, за воротами.

Лорд-командующий вновь помог ей выйти из кареты, и Изабелл успела заметить лишь нескольких человек в богатых одеждах, учтиво стоящих поодаль. А потом, обернувшись, увидела белые ступени и две колонны у входа. А между этими колоннами стояла королева Элеонор и ее сын, Его Величество Эдуард Валентайл, король Амберии и будущий супруг Изабелл.

Его Величество король Ренард вальяжно раскинулся в своем кресле, закинув ногу на ногу, но выражение его лица явно противоречило расслабленной позе. Нахмурившись, он гневно потрясал какой-то бумагой и кричал своему верному Моро, как всегда, находящемуся при господине:

– Ты видел такую наглость: они послали ко мне с требованием заключить перемирие! Мои же лорды, северяне!

– Они просто устали, сир, – смиренно склонил голову Моро, словно желая показать, что он все понимает. – Им нужна передышка.

– А мне, мне она не нужна?!

– Вы вольны отдохнуть, сир, и дать отдыха своим людям.

– Проклятая Элеонор! Всё из-за нее. Никогда – слышишь – никогда я не стану угождать этой мерзкой бабе! Да проклянут ее Судьбы!

– Несомненно, вы одержите победу рано или поздно.

– Но мне не достать ее на юге! – в отчаянии вскричал Ренард, вскакивая с места и швыряя на пол доску с проигранной партией в тафл.

Моро молча наклонился и принялся подбирать с пола фигурки.

– Чертог мне не по зубам! И убийство Элеонор, если б оно даже было возможно, только настроит добрую половину Амберии против меня.

– У северян тоже не в чести такое, сир, – тихо сказал Моро.

Он аккуратно вернул доску и фигуры на место и теперь смотрел на своего повелителя, скромно сложив руки на коленях.

– Вот, и у северян! А как мне править королевством, в котором все станут меня ненавидеть? Нет, мне не достать Элеонор отсюда…

– Мечом – да, не достать, – промолвил Моро таким вкрадчиво-сладким тоном, что Ренард поневоле остановился и посмотрел на своего советника.

– Что ты имеешь в виду?

Змей послал ему одну из своих странных пугающих улыбок.

– Два года назад вы не присягнули в верности королеве Элеонор, потому что она не от крови Валентайлов. Я сам был там и слышал, что вы говорили, мой король.

– Это так, – кивнул Ренард, все еще не понимая, куда клонит Моро.

– Леди Элеонор слишком властная, чтобы дать править кому бы то ни было еще, даже своему сыну. Эдуарду Валентайлу.

Ренард хмыкнул.

– Да этот сопляк и пары дней не продержался бы у власти!

– А будь он королем – ему вы бы присягнули?

Ренард поморщился.

– Да ни за что!

– Но ведь он, в отличие от своей матери, Валентайл по крови, – с улыбкой продолжал Змей, и, сделав паузу, спросил:

– Или нет?

Ренард замер. А затем губы его сами собой разошлись в усмешке, когда он посмотрел на Моро.

– Думаешь, те слухи правдивы? Что Эдуард не сын Ордура?

Змей развел руками.

– А так ли это важно?

– Кажется, я начинаю понимать, что ты хочешь сказать…

– Одним движением вы можете избавиться от королевы и короля, мой сир. Короля, который, по вашим же словам, без матери не продержится на троне и пары дней. И это при условии, что они поддержат его, даже если будут сомневаться в истинности его происхождения.

– Но нужно что-то весомое… Элеонор не глупа, она выкрутится, если дело ограничится лишь слухами.

– Я читал, что в Амберии есть Ритуал Чистой Воды…

Ренард поморщился.

– А, легенды, – презрительно бросил он. – Его используют в самых крайних случаях. Я не припомню, когда такое было в последний раз.

– Значит, нужно убедить всех, что сейчас крайний случай.

Лис задумчиво расчесал пальцами бородку.

– Но Вода не показывает само преступление. Она лишь говорит о том, что человек совершил его. Если Эдуард действительно от Ордура… Знаешь ли ты, Моро, что клеветника ожидает такое же наказание, которое должно было постигнуть предполагаемого преступника?

– Не думаю, что вам следует бояться этого, сир.

Ренард нахмурился и повоевал языком.

– Этак можно самому попасть в яму, которую рыл другому… Рискованная затея.

Змей прищурился и улыбнулся.

– Сир, вы сами сказали, что Вода показывает лишь наличие вины, но не само преступление перед Судьбами. Так неужто вы думаете, что за время правления королева ни разу не преступила закон?

Ренард на миг застыл, а потом расплылся в улыбке, закивал и возбуждённо потер руки.

– А ты чертовски умен, Моро. Чертовски!

Глава 5. Посланник

Родерик сидел в самом темном углу тронного зала и боялся сделать слишком шумный вздох – ведь тогда его наверняка заметят и прогонят, а ему уж очень интересно было послушать разговор между теми, кто там собрался. Признаться, само его нахождение там было весьма странным, ведь шут – последний человек в Чертоге, кого могли допустить к делам королевства… Однако Родерик вновь оказался в нужное время в нужном месте и теперь весь превратился в слух. Говорил в основном сэр Кэссер. А королева Элеонор внимательно слушала, восседая на троне. Впрочем, слушал и Эдуард, притулившись на простом стуле где-то с краю: его ссутулившаяся худощавая фигура представляла собой довольно жалкое зрелище, особенно по сравнению с величественной позой королевы. Впрочем, сколько Родерик помнил Ее Величество, она никогда не сутулилась и не смотрела в пол. Взгляд ее всегда был направлен прямо перед собой и всегда непроницаем – в этом королева особенно преуспела, и даже он, Родерик, никогда не мог разгадать, о чем она думает в ту или иную минуту.

Тем временем Кэссер закончил свой доклад, в котором передал данные разведки касательно состояния северных войск и их примерного местоположения.

На какое-то время воцарилось молчание. Эдуард заскрипел своим стулом, желая сесть поудобнее – и тут же застыл в неловком испуге. Родерик невольно закатил глаза.

– Это дело слишком затянулось, – пробормотала королева.

«Вам нужно было поставить Кэссера во главе войск, вместо ваших бестолковых командующих, и этих двух лет не понадобилось бы», – подумал Родерик, но, разумеется, промолчал.

– Нам нужна передышка – и достаточно длительная – чтобы продумать, как поступить с мятежником Ренардом, – продолжала рассуждать Элеонор. – Мне доложили, будто северяне сами не рады затянувшемуся конфликту, и даже просят Лиса заключить перемирие. Так, сэр Кэссер?

Тот кивнул.

– Всё верно, Ваше Величество.

– Это хорошо. И этим нужно воспользоваться. Я думала над этим всю ночь. Нужно отправить к нему посла с разумным предложением.

– К сиру Ренарду, матушка? – подал голос оживившийся Эдуард.

Родерик, тихонько стоявший в углу, невольно поморщился. По какой-то неведомой причине его король страсть как полюбил отлучаться из Эмбера и участвовать в каких-нибудь неважных переговорах, коих за два года было достаточно. Родерику все же казалось, что главной прелестью для Эдуарда была сама возможность вырваться из Чертога и из-под опеки своей властной матери. Вот и сейчас она едва ли одарила сына взглядом, обращаясь к Кэссеру.

– Вели послать послов к Ренарду.

Тот молча поклонился.

– Постой. Я дам тебе бумагу.

Кэссер почтительно замер в ожидании, а Родерик с тревогой посмотрел на своего короля. Эдуард ерзал на стуле, явно желая выступить с какой-нибудь глупостью.

И вот...

– Я мог бы поехать к нему сам.

Элеонор сделала вид, что не расслышала, и продолжила что-то писать.

Эдуард поднялся и, прокашлявшись, громко повторил:

– Матушка, я мог бы…

– Нет, – отозвалась королева, не отрываясь от своего занятия. – Не мог бы.

– Но я уже встречался с северянами в Фарпорте… Помните, когда в первый раз обсуждалось перемирие? И потом, позже

– Фарпорт был относительно безопасным местом. В то время. А сейчас Лис наконец покинул свою нору, но при этом хитроумно расположился почти у ворот собственного дома.

– Но…

– Королевской особе не пристало подвергать себя опасности в лагере врага. Объясните ему, Кэссер.

Сэр Кэссер тихо откашлялся, испытывая видимые затруднения в исполнении полученного им приказа.

Родерик тут же выступил из тени.

– О, мой сир, Их Сиятельное Величество, как всегда, правы. Подумайте только, если с вами что-то случится, что же делать мне?! О нет, если вы, невзирая на голос разума, все же проявите безрассудную отвагу и броситесь во вражеский стан, то позвольте мне, вашему ничтожнейшему слуге, разделить участь своего милостивейшего повелителя.

Во время этой тирады Элеонор запечатала бумаги и, вручив их Кэссеру, вместе с ним покинула залу.

Родерик и Эдуард остались одни.

Король был бледен и растерян.

– Вам и правда не стоит рисковать собой, мой король, – тихо и совершенно серьезно сказал ему Родерик. – Я помню и Фарпорт, и Манкор – там было безопасно. И там не было самого сира Ренарда. А теперь… Гораздо благоразумнее послать кого-то вместо себя… Кого-то толкового, кто имеет глаза и уши, а также достаточную память, чтобы по приезде рассказать вам обо всем, что происходит в северных землях. Кого-то, кому вы доверяете. Ну а теперь, вы позволите мне отлучиться?

Эдуарду нужно было время, чтобы переварить все сказанное Родериком, и шут со спокойной совестью отправился по своим делам после того, как король весьма рассеянно кивнул.

К вечеру Родерик подумал, что блюдо мариновалось достаточно и можно приступать к пробе, поэтому широким шагом отправился прямиком в опочивальню Эдуарда.

Король сидел в кресле у растопленного камина и рассеянно передвигал фигуры на шахматной доске. На столике рядом стоял поднос с нетронутыми блюдами.

Родерик всплеснул руками.

– О, мой король, неужто ты опять ничего не ел?

Эдуард прошипел что-то невнятное и, в раздражении вскочив с места, принялся ходить взад-вперед по комнате.

Родерик танцующей походкой отправился к столу и, взяв с подноса булку, понюхал ее.

– Мм, божественно. Ты не очень обидишься? У меня с самого утра и крошки во рту не побывало.

Эдуард махнул рукой, и Родерик вполне справедливо расценил это знаком одобрения.

– Однако, сир, что у тебя за вид? Прекрати мельтешить перед глазами, а не то меня затошнит.

Эдуард свирепо взглянул на своего шута, но послушно вернулся в кресло.

– Почему она никогда ничего не говорит мне? – вдруг спросил он едва ли не плаксиво. – Ведь я король!

Родерик уже успел набить рот ароматной булкой, так что лишь развел руками.

– Ты не знаешь, послы отбывают на рассвете?

Родерик активно закивал головой.

Эдуард помолчал, а потом торжественно объявил:

– Ты отправишься с ними.

Родерик сделал вид, что едва не подавился хлебом. Прокашлявшись, он сделал щедрый глоток вина из кубка и вытаращил на Эдуарда глаза.

– С послами королевы? Вы сегодня хорошо спали, милорд? Спрошу иначе: вы вообще спали?!

– Да, черт возьми, с послами королевы! – Эдуард наконец рассердился достаточно для того, чтобы совершать какие-то внятные действия. – Она думает, я ничего не смыслю в делах! Но я должен знать всё! И ты, – король указал пальцем на Родерика, – ты станешь моими глазами и ушами.

– Это весьма интересная мысль, Ваше Величество, – согласился Родерик, в душе посмеиваясь.

– И тебя не пугает столь рискованное путешествие? – подозрительно покосился на него Эдуард. – Не ты ли пару часов назад отговаривал меня от него!

– Пугает, – совершенно честно отвечал Родерик. – Но вы король, а я шут. Если почитать книги по истории, то шутов убивали гораздо реже, чем монархов, мой сир. И даже реже, чем послов. Так что, думаю, я в относительной безопасности. Но если со мной что-то случится… О, Эдуард, я свято верю, что вы не забудете своего смиренного слугу и тут же велите поставить мне памятник в полный рост и непременно с надписью: отдал жизнь служению Амберии.

– Ты можешь побыть серьезным хоть минуту? – Эдуард скривил рот.

– Могу, но что же тогда я буду за шут, милорд?

– Поди вон. Ты меня утомляешь.

Родерик с готовностью вскочил с места и, насвистывая какую-то веселую мелодию, немедля покинул королевскую опочивальню, не забыв при этом, однако, сунуть за пазуху еще пару так полюбившихся ему булок.

Глава 6. Побег

После отъезда Изабелл прошло некоторое время, но ее голос, казалось, все еще продолжал слышаться в коридорах Лебединого Пруда, а на пустующее отныне место за столом слуги то и дело по ошибке ставили лишний прибор.

Казалось, сэр Поллок совсем пал духом, и Элейн с Кьярой старались не говорить при нем о сестре, чтобы еще больше не вводить его в тоску. Впрочем, это мало помогало: их отец худел и бледнел, иногда замирал посреди дороги, словно забывая, куда держит путь, да часто сидел в саду до самого позднего вечера, не обращая внимание на холод, а порой и начинающий моросить дождь.

Кьяре было тяжело. Казалось, голова ее разрывается от множества мыслей. Она думала об отце и сестре, о войне, которой, казалось, нет конца, но чаще всего о том таинственном человеке, которого встретила в Санрайсе и который, как оказалось, обладал даром предвидения. Он называл себя Шадо, но Кьяра сомневалась, что это его настоящее имя, а, помня о том странном шраме на его шее, она понимала, что ему, должно быть, есть что скрывать. Но он все равно манил ее – и даже спустя два года образ этого человека ничуть не померк в ее памяти. Кьяра мечтала когда-нибудь вновь встретить Шадо и понимала, насколько эти мечты сейчас бесплодны. Вот и сейчас, бродя по лугам вокруг Лебединого Пруда (а ей было строго-настрого наказано не покидать пределов родного поместья), она столкнулась с напоминанием о войне: со стороны дороги послышалось конское ржание и крики мужских голосов. Отряд! Кьяра с тревогой посмотрела в сторону дома. Возможно ли, чтобы ехали к ним? Тут одна дорога, и она ведет к Лебединому Пруду. Кьяра ощутила панику и со всех ног бросилась к дому.

Она поняла, что опоздала, когда увидела дорогу к дому, истоптанную копытами. Опоздала! Отец не хотел поддерживать ни одну из сторон, но Изабелл была в Чертоге, а это делало их союзниками Юга.

Но следы на дорожке, судя по отпечатавшемуся рисунку подков, принадлежат северянам. Врагам.

Кьяра хотела пробраться со стороны сада, это было бы разумнее всего, но резкий звон бьющегося стекла заставил ее нырнуть под арку и, забыв об осторожности, броситься к черному входу. Он вел в кухню, но в дверях Кьяра налетела на что-то живое и теплое и громко вскрикнула. Тут же женская рука зажала ей рот.

– Мм…

Это была Элейн, и она выглядела страшно: страшно растрепаны были ее волосы, страшно бледно лицо, на котором страшно сверкали глаза.

– Я успела, хвала Судьбам. Успела, – шептала она что-то в полубезумии. – Только тише, милая.

Она убрала руку и вытолкнула Кьяру наружу, прямо в кусты можжевельника, а потом горячо зашептала:

– Милая, я боялась, что они видели тебя… Там моя Элли, видишь, стоит за беседкой. Бежим!

Они метнулись к лошади, которая нервно переступала ногами и всхрапывала.

– Нет времени, ты должна ехать, пока еще можно. Беги отсюда. Возьми лошадь и вот это, – Элейн сунула сестре завернутый в тряпицу отцовский кинжал и мешочек с монетами, а подтолкнула Кьяру к кобыле, одновременно бросая взгляды на дом. – Беги!

– Отец…

– Он мертв! – Элейн посмотрела на сестру своими страшными глазами, полными безумной решимости. – Беги, пока есть шанс! Постарайся добраться до крестных. Я отвлеку их, но у тебя есть лишь пара минут.

– Элейн! – Кьяра изо всех сил вцепилась в рукав сестры. – Я не брошу тебя здесь!

– Элли не вывезет нас двоих. Беги же! Я найду тебя в Санрайсе! Обещаю! – она расцепила пальцы сестры и подсадила ее в седло. – Удачи, родная! – с этими словами Элейн ударила кобылу по крупу.

Старушка Элли жалобно заржала и понесла.

– Элейн! – только и крикнула Кьяра, прежде чем скрыться за кустами заросшего сада.

– Скачи, сестренка, скачи что есть сил, – прошептала ей вослед Элейн и, хоронясь в зарослях можжевельника, стала пробираться к дому.

Лошадь устала. Она то и дело всхрапывала и путалась в собственных ногах, и когда Кьяра спешилась, большие глаза Элли глядели мутно и умоляюще.

– Прости, – прошептала Кьяра и потрепала смирную кобылу по холке.

Нервное возбуждение гнало Кьяру дальше, но им нужно было передохнуть.

– Идем, – оглядываясь, она потянула Элли в лес. Уже опустились сумерки, и, коль уж они решили отдохнуть, следовало позаботиться о ночлеге. Остановившись посреди поляны, Кьяра вглядывалась в окружающую их зелень – и, пройдя туда, где травы показались ей сочнее и гуще, обнаружила маленький ручеек. Она коснулась рукою воды, и та обожгла ее холодом. Это было хорошо для разгоряченного лица. Умывшись и утолив жажду, Кьяра напоила лошадь.

Для ночлега она выбрала небольшую расселину.

– Ложись, ложись! – тихо приказала Кьяра утомленной кобыле, и, когда та нехотя послушалась, примостилась рядом, сунув конец повода под свои ноги.

– Разбуди меня, если почуешь змею или кого пострашнее, – попросила она Элли.

Кобыла понимающе всхрапнула.

Кьяра всматривалась в лес. Становилось все темнее, и звезды на небе появлялись одна за одной. Кьяра думала об отце и Элейн. Ей не хотелось плакать, но слезы сами катились по щекам, и она то и дело поднимала руку, чтобы вытереть их. Злоба, страх и еще какое-то чувство гнали ее вперед, и она думала, что не уснет, но, когда в следующий раз открыла глаза, было утро.

Элли стояла на ногах и глядела на свою маленькую наездницу. Кьяра даже не почувствовала, как лошадь выдернула поводья из-под ее колен.

На мгновение она зажмурилась, представляя себя в своей спальне. Вот сейчас внизу раздадутся тяжелые шаги отца, а Элейн и Изабелл уже наверняка помогают накрывать на стол к завтраку. Пахнет сдобными булочками, только что испеченными Нэйл…

Глаза Кьяры широко распахнулись. Зрачки сузились. Нет, она не станет плакать. Солнце заливало расселину и луг. Элли неуверенно преступала с ноги на ногу, вновь готовая отправиться в путь.

Глава 7. Перемирие

Перемирие.

Сладкое слово, таящее в себе горечь былой войны. Слово смутное, ненадежное, кажущееся ненастоящим. В этом слове нет завершенности, нет итога, нет уверенности в завтрашнем дне. Слово перемирие – беспокойное слово. Но оно все же лучше войны. Сэру Уилласу все-таки удалось достучаться до короля.

Северн ощущал себя чудовищно уставшим. Не от долгих походов и ночевок на сырой земле, не от дыма сожженных домов, не от чистки оружия и доспехов, не от запаха крови и гари, не от тупой боли затягивающихся шрамов, не от размашистых рубящих ударов и свистящих вокруг стрел… Он устал от постоянных размышлений о том, зачем эта война и что будет дальше.

Северн ехал на север от Миейна, ведя за собою ошметки Лорренвильского войска – тех немногих, кто отказался бежать с Лордом. Он вел их за собою, потерянных и уставших – как и сам Северн, как все они. Вчерашние дети… Много ли детского оставляет в человеке война?

Он ехал и припоминал минувшие два года: все те места, где успел побывать, все сражения, в которых довелось участвовать. Со своим войском он доходил до самого восточного края, до моря.

Море ему не нравилось. Он достаточно налюбовался на него в месяцы своего путешествия к Островам, а теперь, во время войны, оно и вовсе раздражало Северна. Песок набивался в сапоги, доспехи темнели от соли и тумана. Рубаху можно было просушить только над костром, всё вокруг казалось сырым и неуютным. Там Северна как нигде тянуло в горы, к свежему воздуху, не пропахшему гниющими водорослями. Впрочем, Мийен ему тоже был не по душе, и он с радостью тут же покинул его, захватив с собой бывших лорренвильцев, которые, промаявшись там несколько недель в полнейшей неизвестности, теперь тоже не скрывали облегчения на осунувшихся чумазых лицах.

В Хорсе они сделали привал, на котором и узнали о заключении перемирия.

В Хорсе его нашли и люди Далластера, которые сообщили ему, что его отец и старший брат две недели назад умерли от холеры, так что он теперь лорд Далластер и единственный владелец Каменной Гряды.

Северн знал, что должен был расстроиться. Возможно, горевать. Облачиться в траурные цвета. У него не было черной одежды. Он всегда предпочитал серую – она казалась практичнее. А под доспехами и вовсе не видно, какого цвета у тебя рубаха. За последние два года доспехи он почти не снимал.

И он не мог отыскать в своем сердце печали по безвременно усопшим родственникам. Северн пытался воскресить в памяти их лица – и не мог. Лишь какие-то штрихи, черты, сгладившиеся под грузом прошедших лет. Тяжелые шаги отца. Самодовольная ухмылка брата. Его цепкие суетливые пальцы – пальцы, так и не привыкшие сжимать меч. Северн невольно сжал эфес своего.

Зачем ему это? Он надеялся… На что он надеялся? Вернуться домой и хоть немного отдохнуть от войны? Но дом был для него чужим. Северн привык к седлу, лапнику под головой и плащу, который служил и матрасом, и одеялом. Он привык к своим воинам, оруженосцам и знаменосцам, к постоянной походной жизни, к котлу на костре и ледяной воде для умывания. Умыться даже такой водой иногда было роскошью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.